

A circular frame made of bones and thorns, resembling a wreath or a decorative border, surrounding the title text.

ДЕСЯТИННАЯ МЕТКА

STEVEN SHEIL

A WARHAMMER HORROR SHORT STORY

Данный материал является интеллектуальной собственностью

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны

указать источник перевода

Переводчик – Евгений Козлочков

Редакторы – Еретик, Sperry UNIVAC, Андрей Малахов

ДЕСЯТИННАЯ МЕТКА

СТИВЕН ШЕЙЛ

Петрас потянул вниз рукава своей туники, пытаясь прикрыть руки. В то же время, упиравшись ногами в каменный пол, он вжался всем телом в угол, где громоздились мешки с пшеницей. Тело дрожало от страха и холода ночи, отчего ему пришлось крепко стиснуть челюсти, чтобы не стучать зубами.

Грохот двери, ударившейся о стену, возвестил о прибытии братьев.

Сердце Петраса сжалось от этого звука.

– Ты его видишь? – это был Грендон, самый старший из братьев, любимец отца.

– Нет. Но этот мелкий паршивец мог спрятаться тут, – ответил Брон, второй сын, самый сильный из них – тот, кого Петрас боялся больше всего.

На теле мальчика виднелись свежие синяки, полученные, когда Брон держал его над старым корытом и окунал головой в зловонную жижу. Он отпустил Петраса лишь когда стали слышны крики у ворот деревни – тревожные и пугающие вестники **Их** прибытия.

Неужели это произошло лишь вчера?..

Казалось, что все случилось в другой жизни. Все изменилось в тот момент, когда отец пришел к ним и рассказал о жертве, которую он должен принести на десятину. С тех самых пор Петрас только и делал, что убегал и прятался с трепещущим от страха сердцем.

Туника Петраса была того же цвета и пошита из того же материала, что и мешки с зерном – это помогало ему лучше прятаться. Мальчику с трудом удавалась задерживать дыхание среди пыли и гуляющих сквозняков амбара. Он слышал тяжелые шаги Брона по каменному полу, чувствовал, как тот кружит вокруг груды мешков и почти ощущал на себе пристальный взгляд брата. Петрас закрыл глаза, задержал дыхание и съежился, стараясь стать даже меньше своего и так небольшого роста. Не наделенный ни крепким

телосложением братьев, ни закаленной годами выносливостью отца, он был самым младшим, самым маленьким в их семье. Для Брона и Грендона Петрас был словно собака, которую можно пинать ради забавы. Но, быть может, теперь его маленькое тело станет его спасением и скроет от рук и от ножа...

Но этому не суждено было случиться.

– Ага! – крикнул Брон, отодвигая ближайший к Петрасу мешок и протягивая толстую руку, чтобы схватить мальчика за костлявое плечо. – Думал, что сможешь от нас спрятаться?

Брат вытащил Петраса из укрытия и швырнул на каменный пол. Мальчик вскинул голову, ища путь к спасению, но Грендон уже преградил путь к двери.

– Прошу вас! – жалобно прошептал Петрас, переводя взгляд с одного брата на другого. – Прошу вас, не делайте этого со мной!..

Грендон шагнул вперед и, схватив Петраса за запястье, рывком поднял мальчика на ноги. Другой рукой он взял его за тунику и притянул к себе.

– Это ради общего блага, – прошипел брат.

***

Грязная дорожка, ведущая от зернохранилища, словно была усеяна пиками, которые резали ноги Петраса, пока братья тащили его к дому. Толстой рукой Брон закрыл мальчику рот, чтобы тот не кричал. Поверх мозолистого большого пальца Петрас видел факелы, отмечавшие вход в деревню и темную тень, которая ждала между ними: изгиб голого черепа, освещенного светом факелов и длинный меч, зажатый в лишенной плоти руке. Перед этой тенью виднелась еще одна – то был тяжелый дубовый сундук, почти до краев наполненный свежими белыми костями. При виде этого зрелища Петрас забился сильнее, но братья лишь крепче сжали его.

От того, что ждало мальчика, некуда было деться...

Когда они вошли в дом, отец уже ждал их. Стол был убран и тяжелый тесак, который отец использовал для разделки мяса, лежал рядом с точильным камнем. Увидев родителя, Петрас отчаянно затряс головой и умоляюще посмотрел на него, но тот лишь покачал головой.

– Я не могу поступить иначе, – произнес отец. – Десятина должна быть выплачена до последней кости. Что ты от меня хочешь? Кладбище уже опустошено, умирающих принесли в жертву, а платы все еще не хватает.

Разве староста деревни не должен быть готов сделать то, что потребуется ради своего народа?

Грендон и Брон подтащили Петраса и швырнули лицом на стол. Брон схватил его левую руку и оттянул рукав туники почти до плеча. Грендон вытянул конечность и навалился всем весом на запястье, чтобы рука лежала ровно. Отец Петраса поднял тесак. Мальчик повернул голову и посмотрел на него снизу вверх. Его глаза были полны слез.

– Пожалуйста, отец, прошу тебя!..

Губы родителя скривились в презрительной усмешке.

– Покажи мне хоть каплю силы, которая есть в твоих братьях. Каждый из нас должен сыграть свою роль. Или ты хочешь, чтобы вся деревня была убита из-за нехватки костей?

Он положил ладонь на предплечье Петраса, а затем опустил лезвие тесака на руку мальчика чуть выше локтя, отмечая нужное место. Петрас почувствовал, как острый металл коснулся его кожи. Мальчика охватила паника. Он попытался пошевелиться, но братья крепко прижали его к столу.

Отец высоко поднял тесак...

...и со всей силой, которую смог собрать, обрушил его вниз, разрубив плоть своего сына.

***

Петрас резко проснулся и инстинктивно потянулся, пытаясь защитить левую руку, но вместо этого нащупал лишь обрубок, отмеченный шрамом – тот самый обрубок, который он чувствовал там каждый день в течение последних двенадцати лет с тех самых пор, как его отец использовал его конечность, чтобы оплатить десятину Оссиархам-костоломам. Рассвет окрасил небо в грязно-розовые цвета, похожие на цвет его костей после того, как его отец очистил их от плоти и сухожилий. Мальчик вспомнил, как съежился на своей кровати, ощущая тупую боль от прижатой раны, но все еще каким-то образом чувствуя руку, которой у него больше не было. Его призрачные пальцы начали дергаться, когда Петрас увидел своего отца с пылающим клинком.

Это воспоминание заставило его вздрогнуть и он поплотнее закутался в одеяло.

Костер в лагере едва горел, но Петрас все равно сидел слишком далеко от него, чтобы как следует ощутить тепло. Даже среди других бродяг,

населяющих импровизированный лагерь в лесу, он оставался чужаком. Не только отсутствие конечности делало его изгоем – было и множество других людей, переживших войну и сражения, и испытывавших подобные потери – нет, это было из-за событий, в результате которых Петрас потерял руку. Они называли его «десятинником», будто совершенное над ним насилие навсегда связало его с теми, кто требовал плату. Страх перед легионами Оссиархов ощущался во всем Шайше, но особо силен он был в этих краях, где уже давно назревало возвращение сборщиков десятины. Петрас и его отрубленная рука стали не только напоминанием о том, что может случиться с каждым из них, но и сделало его в глазах бродяг потенциальным предвестником прибытия. Словно его кости – теперь слитые вместе с другими из десятины в тело воина Оссиарха, – в конце концов должны были вернуться к хозяину...

Именно по этой причине они с опаской следили за ним, не разрешали делить с ними пищу и требовали, чтобы Петрас всегда оставался на расстоянии броска камня, но в тоже время разрешали оставаться в лагере. Такая щедрость проистекала из-за суеверия – якобы любая попытка причинить ему вред или же дать отпор может навлечь на лагерь гнев орд Оссиархов.

Петрас еще немного подремал, пока тусклое утреннее солнце, рассеянное на многочисленные лучи ветвями деревьев, что находились вокруг него, не осветило лагерь. Затем он собрал одеяло в рюкзак, который использовал в качестве подушки, сжевал последнюю черствую корку хлеба и отправился в путь. Когда Петрас уходил, остальные бродяги начали перешептываться между собой. Последний из них – крупный бородатый мужчина, напоминавший юноше его братьев, – сплюнул сгусток слюны и Петрас почувствовал, как она упала ему на плечо. Он не стал останавливаться и даже не обернулся, а просто пошел дальше.

Это было ничуть не хуже того обращения, к которому он привык.

Петрас шел около часа, пока не заметил на дороге еще одного человека. Тропинка в этих местах была ухабистой и усыпанной камнями, из-за чего она становилась почти непроходимой для любого фургона или экипажа. Но в том месте, где она расширялась и соединялась с другой, более широкой тропой, Петрас увидел торговца, который сидел на камне и ел свой обед, в то время как его лошадь и повозка стояли рядом. Юноша приблизился, держа обрубок руки чуть позади, чтобы свободные складки плаща смогли скрыть ее отсутствие.

– Сэр? – обратился он к человеку, подходя ближе. Мужчина – он был старше, массивнее, с темной бородой, уже тронутый сединой – посмотрел на него с подозрением и сильнее сжал в руке нож, которым до этого резал яблоко. Петрас протянул руку в знак приветствия и опустил свои плечи, как бы показывая, что не представляет никакой угрозы.

– Чего тебе? – спросил мужчина. – Если тебе нужна еда, то у меня ее нет. У меня есть деньги только на себя – и не более того.

– Нет, сэр, я здесь не для того, чтобы просить милостыню. Я просто хотел спросить вас, правильно ли я выбрал путь к Мортенвуду.

Сжимающая нож рука немного расслабилась.

– Мортенвуд? – седобородый мужчина кивнул. – Да. Ты идешь верной дорогой, – он указал рукой в противоположную сторону, туда, откуда прибыл его экипаж. – Ты будешь там к вечеру. Что у тебя там за дела, парень?

Петрас неловко поежился. Юноша боялся сказать этому человеку правду, но в тоже время он был плохим лжецом.

– Я ищу человека по имени Хелстан, он кузнец, он....

– Я знаю, чем он занимается, – перебил его мужчина. – Зачем тебе нужен кузнец?

Петрас вновь съежился, боясь выдать свою истинную цель.

Бородач рассмеялся.

– Не бойся мальчик. Смотри, – он наклонился и приподнял штанину своих брюк. – Вот, погляди!

Нога мужчины была обута в тяжелый кожаный сапог, но благодаря приподнятой штанине Петрас увидел, что она состояла не из плоти и крови – нога была сделана из ряда изогнутых железных нитей, переплетенных, словно усики живой виноградной лозы. Сквозь щели между ними Петрас мог видеть землю. У колена металлические части встречались с изогнутым кольцом, прикрепленным к коленной чашечке.

– Десять зим назад я выплатил десятину своими костями, – произнес мужчина. Он поднял взгляд на Петраса. – Ты ведь тоже десятинник, не так ли? От такого пронизательного человека, как я, это не скрыть. Оно висит вокруг тебя, словно зловоние, – торговец постучал костяшками пальцев по своей металлической ноге. – Это сделал для меня Хелстан. Теперь единственное, о чем мне приходится беспокоиться, – это ржавчина, – он громко рассмеялся и указал на то место, где плащ Петраса скрывал отрубленную руку. – Ты ведь потерял ее, а?

Петрас кивнул. Он откинул плащ, показывая свою культю, заканчивающуюся чуть выше того места, где должен был быть локоть. Старик внимательно посмотрел на него и кивнул.

– Да, но я видел и похуже. Может быть, кузнец и сможет что-то для тебя сделать.

Сердце Петраса сжалось от этих слов. Он и не смел даже мечтать о том, что это было возможно. Но сейчас перед ним стояло доказательство того, что все можно исправить, что его еще можно починить и сделать если и не целым, то хотя бы подобным целому! Ему может быть даровано нечто, приближенное к тому, что у него отняли...

– Очень приятно это слышать. Благодарю вас, сэр, – радостно сказал Петрас.

Мужчина уже опустил штанину и начал подниматься на ноги. Он шел, слегка прихрамывая – тяжелая металлическая нога явно сковывала его движения, но не зная правды, Петрас бы принял его за простого хромого. Мужчина направился к передней части своего экипажа, а затем снова повернулся к Петрасу.

– Мальчик, скажи мне вот что... у тебя есть деньги?

– Да, – ответил Петрас. – Немного.

Старик рассмеялся. Он поставил металлическую ногу на ступеньку и взобрался на переднее сиденье экипажа. Торговец взял поводья и приготовился тронуться в путь. Прежде чем уехать, он снова повернулся к Петрасу.

– «Немного» тебе не слишком поможет, – произнес он. Торговец щелкнул поводьями и погнал лошадь вперед. Когда колеса уже начали вращаться, Петрас вновь услышал его голос, доносящейся из-за плеча. – Это вообще тебе ничего не даст!..

***

Петрас вошел во врата Мортенвуда когда уже начало смеркаться.

В быстро сгущающейся темноте юноша пробирался по улицам в поисках мастерской кузнеца. В конце концов он услышал глухой стук молотка по раскаленному металлу и увидел оранжевое свечение, исходящее из дверного проема, которое и подсказало Петрасу, что он, наконец, нашел свою цель.

Прошло много лет с тех пор, как он впервые услышал о кузнеце, который мог создавать кости из расплавленного железа и придавать им

форму конечностей. И вот теперь он стоял здесь, на пороге. Какая-то часть сознания Петраса знала, что металлическая рука ничего не изменит, не восполнит ту утрату, никогда не будет такой же, как его собственные кости, вернись они обратно к нему. Но ходить с двумя руками, знать, что он больше не калека, иметь хотя бы сколько-нибудь обычную человеческую внешность – то, что другие принимали как должное – этого было вполне достаточно, чтобы изменить судьбу юноши.

Это все, чего желал Петрас.

С тех самых пор, как у него отняли руку, чтобы заплатить десятину Оссиархам, жизнь Петраса превратилась в сплошную боль. Сначала физическую от самой раны, от неровного и покрытого ожогами обрубка в том месте, где отец неуклюже отрубил конечность тесаком, а окровавленную плоть прижгли прессом раскаленного утюга. Обрубок постоянно ныл в течение нескольких месяцев, словно нервы постоянно теребили невидимые пальцы. Затем наступила новая боль – но уже от того, как с ним обращались отец и братья. Он всегда был самым ничтожным из них, самым слабым, болезненным и хрупким, годным лишь для самых презренных обязанностей. Но после десятины он каким-то образом стал еще ниже этого. Его отец – то ли от стыда, то ли от отвращения – едва мог смотреть на него. Их мать умерла, рожая Петраса, и парень был брошен на милость Грендона и Брона, которые видели в нем нечто куда низшее, нежели человека. Несколько лет спустя Петрасу, наконец, удалось покинуть деревню. Он спрятался под мешками заехавшего к ним торговца. Юноша сделал это не только стремясь избежать ежедневных побоев, но и в надежде найти другую, лучшую жизнь.

Но лучшей жизни для него быть не могло – по крайней мере такой, какую он желал найти. Первые годы вдали от дома Петрас провел в качестве нищего, что полагался на жалость других, дабы спасти себя от голода. Став старше, он научился шарить по карманам – это было нелегко проворачивать одной рукой, и нехватка ловкости привела к многочисленным побоям и изгнанию из бесчисленных деревень и городов.

С тех пор Петрас стал бродягой.

Он скитался по земле, брался за работу там, где мог ее найти и все это лишь для того, чтобы прожить еще один день. Так было до тех пор, пока Петрас не услышал истории о кузнеце и его навыках. Тогда он обрел цель и посвятил себя поискам человека, который смог бы сделать ему новую руку.

Юноша берег каждую монету, которую зарабатывал, находил или крал.

Но теперь, когда слова старика о том, что его грошей будет недостаточно, звучали у него в ушах, он боялся, что все его усилия были проделаны напрасно. Страх, который всегда жил в сердце Петраса, посеянный братьями и отцом, возвращенный там всем миром – страх того, он никогда ничего не достигнет – вновь начал нарастать.

«Нет», – сказал он себе. – «Не в этот раз».

И вот юноша переступил порог кузницы.

Комната была освещена темно-оранжевым светом, исходящим из большой кузницы, стоявшей в самом ее центре. У стены находится стол, вдоль края которого лежали различные замысловатые и сложные зажимы и инструменты, подобных которым Петрас никогда раньше не видел. А в конце стола, сжимая в руках кочергу, чей пылающий красный конец теперь соединял две металлические нити в богато украшенную узорами металлическую конструкцию, стоял человек.

Он был невысокого роста – даже ниже самого Петраса – но с настолько широкими плечами, каких юноша никогда не видел. От них тянулись массивные руки, сужающиеся к двум удивительно маленьким и изящным запястьям. У него была короткая борода, остриженная у самого подбородка, красноватого, почти ржавого цвета – такого же, как и волосы, обрамляющие голову. Петрас до сих пор помнил, что когда он поднял голову, в его сторону устремился взгляд глаз цвета аметиста.

– Ух, – произнес кузнец, оглядывая Петраса с ног до головы. – Каким ветром тебя принесло?

Петрас почувствовал, как под пристальным взглядом мужчины иссякает его мужество.

– Я... – пробормотал он. – Я хотел...

– Я знаю, чего ты хочешь, – перебил его мужчина. Он отложил инструменты, обошел вокруг скамьи, вытер руку о кожаную тряпку и кивнул на левую руку Петраса. – Давай поглядим.

Петрас не знал, как Хелстан догадался о его беде – то ли по развевающемуся плащу, то ли по позе, но что бы там ни говорило о его утрате, теперь это не имело значения – важно лишь то, что он стоит здесь, с мастером-кузнецом, что решение постигшей его беды уже близко...

Петрас откинул плащ и приподнял рукав, показывая Хелстану покрытый шрамами обрубок левой руки. Кузнец пристально всмотрелся в обрубок и легким нежным прикосновением своих маленьких рук наклонил конечность Петраса так и эдак, внимательно изучая ее. В какой-то момент он коснулся

немного покрасневшего пятна на краю шрама острым ногтем указательного пальца. Петрас вздрогнул.

– Тебе придется за этим присматривать. Я не врач, – произнес Хелстан. – Но я видел, как из таких пятен начинает распространяться гниль. Готов поспорить, что ты больше не хочешь ничего потерять? – он покачал обрубок вверх-вниз, и Петрас помотал головой. – Держи его в чистоте – пусть время от времени туда попадает воздух. Так будет лучше.

Он отпустил обрубок и пошел обратно к скамье, где лежала его работа. Теперь Петрас увидел, что выковал кузнец, и от этого зрелища у него перехватило дыхание. Хелстан поднял предмет и повертел его в руках.

Это была металлическая рука. Настоящая рука – от кончиков пальцев до плеча, соединенная в локте. Как и в случае с железной ногой торговца, которую Петрас видел ранее, эти части были вплетены в конечность, словно виноградные лозы, придавая статичной форме ощущение движения и жизни. Пока Петрас наблюдал, Хелстан использовал свою собственную руку, чтобы согнуть суставчатые металлические пальцы в идеальный кулак. Он перевел взгляд и, увидев Петраса, презрительно фыркнул.

– Засунь свои глаза обратно в глазницы, – произнес кузнец, осторожно кладя руку обратно на скамью. – Это не для таких, как ты. Это, – он постучал костяшками пальцев по металлическому запястью, посылая по комнате идеально звучащую тонкую ноту, – для великого аристократа и воина свободных гильдий, который потерял руку, сражаясь с ордами Оссиархов.

При упоминании этого слова Петрас невольно вздрогнул и отвернулся, пытаясь скрыть свою реакцию.

– И он неплохо платит. Работа ремесленника стоит недешево. Так что... – он наклонился вперед. – Давай посмотрим, какого цвета твои деньги.

Петрас сунул руку под плащ и вытащил маленький мешочек, который он там прятал. Юноша передал его Хелстану. Старик открыл мешочек и высыпал монеты себе на ладонь. Кивнув, он положил их обратно в мешок, затем наклонился к скамье и что-то поднял.

– Вот, – произнес он, притягивая что-то. – Вот что тебе достанется за эту сумму.

Между своими пальцами он сжимал металлический кончик грубо сделанного пальца размером чуть больше заточенного дюйма железа.

– Прошу вас!.. – жалобно завыв Петрас. – Я через многое прошел. Я так долго этого ждал...

Но Хелстан уже отвернулся и вернулся к своей работе, будто Петрас полностью исчез из его поля зрения, подобно дыму из горна, уходящего в ночь...

– Я могу работать на вас, – продолжал Петрас. – Я могу приносить и уносить...

– Для такого у меня уже есть ученики, – ответил Хелстан, не поднимая глаз.

– Тогда я могу готовить и убирать! Чистить ваши туалеты. Я сделаю все, что угодно! – настаивал Петрас.

– Тебе так сильно нужна эта рука? – спросил Хелстан, остановившись и посмотрев на него.

– Да! – прокричал Петрас.

Он никогда не желал ничего больше. Хелстан на мгновение задержал взгляд на несчастном, а затем кивнул на изящный подлокотник своей скамьи.

– Я не могу обещать тебе ничего подобного. Ты работаешь на меня, делаешь все, что я скажу – и чтобы я не слышал никаких жалоб. Посмотрим, что я смогу сделать.

– Благодарю вас, сэр, благодарю!.. – волна облегчения прошла по телу Петраса.

Хелстан улыбнулся. На его губах появилась презрительная усмешка, как будто благодарность Петраса каким-то образом унижала его.

– Хватит, – отрезал кузнец. – Благодарность оплачивается делами, а не словами. Так что... – он кивнул на метлу в углу. – Тебе лучше начать работу.

***

2

Благодарность Петраса жила в течение недель, месяцев и целого года. Он делал все, о чем бы не просил его Хелстан, будь то готовка ужина каждый день или же стирка одежды, черной от дыма, смолы и пепла. Выметал горячие угли из горна, чувствуя, как жар обжигает его щеки, и вдыхая запах подгоревших волос на руке. Подмастерья, что работали с Хелстаном, обслуживали его инструменты и готовили металл к руке мастера, относились к Петрасу немногим лучше, чем братья. Десятинная метка юноши делала его в их глазах даже не человеком, а собакой, на которую можно было кричать, пинать и удерживать на месте. И Петрасу, как и подобает собаке, дали лишь соломенную подстилку в углу мастерской, где он мог спать каждую ночь после уборки всей комнаты.

Петрас терпел каждое оскорбление, каждый толчок и удар от учеников. Он терпел каждый раз, как они подставляли ему подножку, когда юноша шел из уборной с полными ведрами – Петрас растягивался на полу, который позже приходилось убирать ему одному. Он мирился со всем этим, потому что знал – близок момент, когда Хелстан отдаст ему то, чего он больше всего желал – руку, которая вновь сделает его полноценным.

В те моменты, когда Петрас был занят своими грязными делами, он наблюдал за тем, как Хелстан работает в кузне. Любимым орудием кузнеца был тяжелый молот – тупой и плоский с одной стороны и заостренный, как топор, с другой. Когда кузнец вытаскивал из горна кусок раскаленного металла и укладывал его на наковальню, то с помощью молота расплющивал и скручивал его в нужную форму, а затем, ловко крутя рукоятку в воздухе, поднимал ее и разрезал острым, словно бритва, лезвием топора. Для Петраса это было сродни волшебству: раскаленный добела металл под ударами Хелстана превращался в одну из похожих на виноградную лозу нитей, которая затем становилась частью руки или ноги – железным сухожилием или мышцей. По ночам Петрасу снилось, как Хелстан ковал для него конечность, стучал молотом, резал, придавал форму, чтобы, наконец, вручить ему заветную награду...

Ровно через год, когда Петрас впервые появился у дверей Хелстана, через год после заключения сделки, юноша вновь заговорил с кузнецом и спросил, когда будет готова рука – его простая металлическая рука.

– Ты считаешь, что уже заслужил ее, не так ли? – рассмеялся Хелстан.

– Да, – кивнул Петрас.

Хелстан вновь рассмеялся. Продолжая хохотать, он подошел к верстаку, на котором работал, взял что-то и протянул Петрасу.

– Вот то, на что ты заработал, парень.

Петрас увидел, что кузнец сжимает в руках.

Один-единственный металлический палец.

Обида вскипела внутри юноши.

– Я много работал! – закричал он. – Разве я не заслужил?!

– Надо отдать тебе должное, ты хорошо трудился, – ответил Хелстан. – Но также ты получал от меня еду и ночлег, а это все не бесплатно. Каждый из нас должен заплатить свою цену.

– Но...

Хелстан хлопнул ладонью по скамье. Петрас испуганно вздрогнул.

– Я не желаю слышать никаких «но», мальчик. Если тебе нужна рука, продолжай работать. И только так.

С этими словами он повернулся спиной к Петрасу и принялся ворошить угли в горне.

В последующие недели и месяцы семя обиды, посеянное в Петрасе, начало нарастать, гноиться и созревать. Он видел, как впереди его ждут годы работы рабом – годы пинков, ударов ногами и обращения, словно с животным. Петрас уже привык к такому отношению. Он привык ко всему. Но теперь, когда заветная цель в виде металлической руки маячила перед ним, юноша впервые почувствовал всю несправедливость происходящего.

Петрас держал свою голову опущенной, выполнял работу по дому и не жаловался, когда ученики толками его вниз, не кричал в ответ и не сердился. Вместо этого он лелеял и подпитывал это алое чувство внутри себя.

Однажды ночью, когда он лежал на соломенной подстилке в углу мастерской, Петраса разбудили голоса. Один из них принадлежал Хелстану, но другой был совершенно незнакомым. Мужской голос, тонкий и пронзительный, с каким-то певучим подвыванием. Петрас тихо двинулся на звук сквозь темные тени мастерской.

Заглянув за полки, где Хелстан хранил свои инструменты, Петрас увидел кузнеца – тот стоял рядом с кузней и разговаривал с другим человеком. Тот был высоким и худым – он сгорбился, поддерживая беседу с Хелстаном, словно бы стараясь сжаться до его размеров. Незнакомец держал в руках открытый мешок и двигался из стороны в сторону перед глазами Хелстана, как торговец, демонстрирующий свой товар. Рука кузнеца вытащила что-то из мешка и подняла вверх. Это был бронированный нагрудник – погнутый и помятый, но все еще целый.

– Это хорошая вещь, прочная, износостойкая, – произнес незнакомец.

«Мусорищик», – подумал Петрас. Он уже встречал многих из них на своем пути, и даже раз или два торговался с ними, чтобы продать то, что нашел на дороге. Хелстан посмотрел на помятый хауберк своим опытным взглядом. Он прижал костяшки пальцев к металлу и поднес его к уху, чтобы услышать низкий звук, который они издавали. Кузнец покачал головой и бросил кусок брони обратно в мешок.

– Она испорчена, – произнес он. – Здесь нет ничего стоящего. Может у тебя еще что-то есть?

Мусорщик вздохнул и закрыл мешок.

– Вы видели все, что я нашел, – прошептал он, а затем посмотрел на другой, мелкий мешок позади себя. – Если только... это не заинтересует вас.

Незнакомец взял его, открыл и протянул руку, чтобы что-то вытащить.

– Я добыл его после битвы у реки Глиняных Черепов. Нечасто такое можно найти. Действительно редкий товар.

При виде того, что мужчина сжимал в руках, Петрас почувствовал, как у него скрутило живот. В голове зашумела кровь и подскочил пульс, словно бы его пронзили мечом...

– Что это?.. – Хелстан наморщил лоб.

– Рука Жнеца Кости Оссиархов, – ответил мусорщик. – Выкованная мортисанскими мастерами из костей мертвецов, а затем облаченная в надиритские доспехи и теперь...

– Убери ее отсюда! – взревел Хелстан, толкая мусорщика в грудь. Мужчина споткнулся и чуть не упал на свой собственный мешок. Кузнец схватил поклажу и швырнул в гостя, пытаясь ударить ногой в зад, пока незнакомец полз к двери.

– Это всего лишь кусок мертвой кости! – завопил мусорщик. – Он не принесет никакого вреда!

– Тогда забери его себе! – прорычал Хелстан. – И надейся, что он не приведет орды Оссиархов к твоим дверям!

Когда мусорщик собирал свои находки в мешки, Петрас успел еще раз мельком увидеть белую руку Жнеца Кости. В голове у него зародилась мысль, словно бы вызванная колдовством – мысль о том, что, возможно, в этом мешке лежат его собственные кости, слившиеся в руку Жнеца. Возможно, судьба вернула ему то, что он считал утраченным навсегда...

Хелстан закрыл большие деревянные двери мастерской, а затем пошёл в сторону лестницы, ведущей вверх, в его жилые покои. Петрас слышал, как мусорщик собирал свои находки и собрался уходить.

Какой-то инстинкт, некое принуждение овладело Петрасом. Он подошел к дверям и тихо открыл их, увидев тень мусорщика, пробирающегося к воротам города.

Петрас, аккуратно ступая, чтобы его не слышали, последовал за ночным гостем.

***

Мусорщик углубился в лес, раскинувшийся на окраине города. Петрасу пришлось идти крайне осторожно, чтобы его не заметили, пока он пробирался сквозь паутину ветвей и заросли колючего кустарника. Наконец человек вышел на небольшую поляну, в центре которой стояло большое дерево с кривыми ветвями, свисающими почти до самой земли. Мусорщику пришлось опуститься почти на брюхо, чтобы пробраться к толстому стволу, где он, укрывшись за ветвями от любопытных глаз и проходящих мимо разбойников, устроился на ночлег.

Петрас, пытаясь не выдать своего присутствия, двигался медленно и бесшумно, попутно всматриваясь в сплетения ветвей. Юноша видел, как мусорщик сделал глубокий глоток из бутылки с медовухой, а затем натянул на себя одеяло из конского волоса и улегся спать. В течение долгих минут, пока не раздался громкий храп человека, Петрас чувствовал, как холод ночи пронизывает его до костей. Несмотря на все это, юноша продолжал стоять без движения, чтобы не выдать своего присутствия. Затем он покинул свое укрытие за кустами, и, упав на живот, прополз под свисающими ветвями по траве к месту, где спал мусорщик.

В пробивающемся сквозь ветви тусклом свете луны Петрас разглядел мешок, в котором лежало барахло, отвергнутое Хелстаном. Но он нигде не видел второй, тот, что был поменьше. На мгновение его охватил страх, что мусорщик использует куль, как подушку, но потом Петрас увидел его в темноте. Юноша пошел вперед, стараясь не разбудить спящего человека.

Дойдя до своей цели, он поднял небольшой мешок и заглянул внутрь.

На дне лежала свернувшаяся рука Жнеца Кости – странная, неестественная. Длинные, чистые пальцы руки были согнуты у конца толстого предплечья, которое заканчивалось зазубренным переломом, похожим на лезвие пилы. Издалека ее можно было бы принять за конечность смертного, лишенную всякой плоти, но при близком рассмотрении мастерство Оссиархов было очевидно. Белые кости переплавили, чтобы выковать что-то новое, пугающее – один лишь вид руки вызывал тошноту. В то же самое время юношу пронзило яркое воспоминание...

...его отец бросил только что очищенную кость в сундук, стоявший у входа в деревню, и быстро отступил в страхе...

...стоявший на страже сундука ревенант Оссиархов повернул черные глазницы своего лишенного плоти черепа к содержимому, оценивая вес, а затем протянул руку вниз и захлопнул сундук, навсегда отняв руку у Петраса...

Юноша громко вздохнул. Мусорщик зашевелился в своей постели и Петрас, быстро закрыв мешок, застыл, словно статуя. Он выждал, пока снова не раздался громкий храп мужчины, а затем ушел, унося сумку с собой и крепко прижимая тяжелый груз к сердцу.

***

Петрас вернулся в мастерскую Хелстана. Внутри было темно и тихо. Он зажег маленькую лампу и перенес ее на соломенную кровать, где оставил конечность Жнеца Кости. Это оказалась левая рука – та самая, которую он потерял. Петрас снова невольно подумал – а не сплетена ли с ней его собственная кость?.. Инстинктивное желание обладать рукой все нарастало. Магия Оссиархов переделывала души так же, как и части тел, и, возможно, какая-то часть Петраса, погребенная глубоко в его мозгу, была украдена их мастерами и использована. Может быть, теперь она каким-то образом взывала к нему...

«А может быть», – подумал Петрас. – «У меня просто помутился рассудок и теперь он играет со мной злые шутки».

Петрас завернул руку в одеяло, заменявшее ему подушку, и спрятал ее под соломой. Он не знал, зачем украл руку и какую пользу она ему принесет, но что-то в самом факте обладания конечностью вынуждало юношу чувствовать себя более полноценным, чем когда-либо за многие годы.

В течение следующих нескольких дней Петрас работал усердно и спокойно. Он больше ни о чем не спрашивал у Хелстана – разве что подтверждал, что услышал отданный ему приказ. Даже издевательства учеников вызывали в нем лишь смиренное пожатие плечами. Каждый вечер, когда Петрас оставался один, он разворачивал руку и смотрел на нее. Идеальная форма костей, сверкающий металл доспеха, который, казалось, был связан с ними, изгиб пальцев, которые казались слишком длинными, чтобы ими можно было ухватиться за оружие... Каждый раз, как юноша разворачивал руку и чувствовал ее тяжесть, то страх и отвращение смешивались в нем с желанием и завистью. По форме она затмевала любой из механизмов Хелстана, которые тот делал для своих богатых клиентов. Конечность Оссиарха была сотворена куда более похожей на человеческую, нежели все, что когда-либо ковалось из металла.

Петрас заметил, что рука Жнеца Кости все чаще будит его, как будто бы зовет из своего укрытия под соломой. Каждый раз, как Петрас размышлял в

темноте, ему чудилось, что он слышит, как рука шевелится под одеялом, как костлявые пальцы скребут и постукивают по каменному полу, словно бы повторяя мерное тиканье часов...

Однажды ночью, ровно через неделю, как Петрас украл руку, он достал ее из тайника, опустил на колени и положил так, чтобы она лежала ладонью вверх. Юноша провел пальцем по искусно созданной кости, и внезапно его охватило желание – жажда ощутить ее на своей плоти. Он развязал бечевку, которая связывала свободный левый рукав и поднял ткань так, чтобы обнажить покрытую шрамами культю. Пальцы костяной руки были согнуты к ладони – все, кроме длинного указательного, который, изогнувшись вверх, указывал своим кончиком на юношу, как бы подзывая его. Петрас словно был в трансе – он поднял костную руку и приложил ее зазубренный край к своему обрубку плоти. Ему казалось, что невидимые силы направляют его движения, стягивают кость и обрубок, словно бы завершая какой-то нечестивый ритуал...

В тот момент, когда кость соприкоснулась с зарубцевавшейся тканью, в голове Петрас пронеслась волна образов. Она сметала все, чем он был раньше. В голове юноши мелькали воспоминания более яркие, чем все те, что он знал, и ни одно из них не принадлежало ему...

...на перепуганных людей обрушивается удар меча. Он обнажает розовую плоть...

...раздавленный череп под ногой. Мозг, прилипший к подошве сапога...

...его костяная рука, погруженная по запястье в кишки человека, проталкивается все глубже и глубже, к самому сердцу...

В то же самое время раздалась какофония голосов – души, слившиеся в единый разум, теперь кричали в муках.

Души, безутешно безумные, борющиеся против своих непроницаемых уз.

В следующее мгновение укол боли пронзил тело Петраса насквозь, проникая от культи и достигая каждого отдельного нервного окончания на его теле, попутно вытесняя любое другое ощущение и уничтожая все мысли. Юноша запрокинул голову и от нестерпимой боли издал такой вопль, что все его горло покраснело до цвета крови. Когда крик стих у него во рту, Петрас рухнул на соломенную постель и, сжав кулак, принялся колотить им по половицам. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы расслышать эхо этого звука и понять, что теперь по половицам бьют обе руки.

Он повернул глаза влево и увидел костяную руку, теперь уже каким-то образом вплетенную в его собственное тело. Ее зазубренный край вдавился в плоть – переплетенные кости, словно змеи, устремились вверх и впивались в кожу, окончательно сливаясь с культей. Пока Петрас смотрел, костяной кулак разжался и растопырил пальцы, словно бы примеряя перчатку. Юноша чувствовал каждое движение, но не мог шевелить ей. Разум внутри кости – сломленный, измученный, наполовину разрушенный – руководил ее действиями, а его голоса кричали внутри черепа Петраса.

Среди этой какофонии мыслей появился и его собственный отчаянный голос...

«Отрежь ее! Избавься от нее!..».

Рука никогда не станет частью него, но Петрас чувствовал, что если будет бездействовать, то сам превратится в ее марионетку.

– Кто здесь? Это ты, мальчик? – донесся голос Хелстана с лестницы, гулко разносясь по комнате. Его шаги раздались одновременно с тем, как он вошел в мастерскую. – Что происходит? Что за шум?

Голова Петраса повернулась на звук. Он крепко сжал челюсти, пытаясь сдержать всю боль и страх, которые пылали внутри него, и подавить все чуждые образы и импульсы, которые угрожали поглотить юношу изнутри. Увидев приближающегося Хелстана, Петрас почувствовал, как поднимается на ноги и поворачивается лицом к пожилому человеку, словно марионетка, которую вздымают вверх невидимые руки...

Петрас посмотрел вниз, на свою левую руку, и увидел, что кость Оссиархов присосалась к нему, словно пиявка к ране.

– Мальчик? – спросил Хелстан, подходя ближе. – Что тебя беспокоит?

Когда кузнец шагнул вперед, глаза Петраса, казалось, пробежались по всем частям тела Хелстана сразу и увидели не только одежду и мускулы, но и все, что было сокрыто под ними. Его взгляд остановился на верхней части тела кузнеца – на толстых плечах и руках...

«Хорошие кости», – произнес голос в голове Петраса.

Костяная рука потянулась к стойке с инструментами рядом с Петрасом.

Хелстан увидел это движение, заметил руку и ощутил страх от того, что это означало.

– Что ты наделал, мальчик?.. – спросил он едва слышно.

Петрасу хотелось вручить ему топор и умолять, чтобы кузнец быстро отрубил костяную руку, даже если он потеряет остатки своей конечности. Но

слова не шли, даже когда юноша пытался произнести их. Петрас почувствовал, как костяная рука все крепче сжимает рукоять топора.

«Сейчас самое время», – произнес внутренний голос Петраса. – *«Действуй сейчас, или же окажешься навеки связанным с ней».*

Но теперь его голос был тихим и робким, терялся в визге остальных. Петрас взял инструмент и поднял его над головой.

– Не надо! – воскликнул Хелстан.

Он поднял руку, стараясь защититься. Кузнец успел увидеть, как острый край топора-молота разрубает ему кисть и всей своей тяжестью обрушивается вниз. Прежде, чем Хелстан успел среагировать или даже почувствовать боль от ампутации, а кровь начала сочиться из рассеченной кисти, костяная рука Петраса крутанула рукоять инструмента снизу вверх, и тупой конец молота обрушился на подбородок мужчины, раздробив ему челюсть. Кузнец упал на землю и попытался закричать, но его рот превратился в месиво из мяса и окровавленных костей. Нижние зубы впились в небо, а язык разорвало на содрогающиеся нити кровоточащей мышцы.

Петрас встал над извивающимся окровавленным телом кузнеца и почувствовал, как костяная рука крутанула рукоятку инструмента, снова поворачивая его заточенным лезвием. Обрубок руки Хелстана выплескивал кровь на каменные плиты внизу. На запястье виднелся чистый порез, на который Петрас тут же наступил сапогом. Он удерживал руку на месте, чтобы вновь обрушить топор вниз. Юноше казалось, что он словно бы наблюдает за всем происходящим со дна глубокого колодца, или что он – пассажир в экипаже, который неуправляемо несется к месту назначения.

Петрас высоко поднял топор и опустил его вниз. Инструмент со звоном ударился о каменный пол, разрубив руку Хелстана у плеча.

***

Когда вскоре после рассвета появились ученики, двери мастерской были открыты настежь. По каменному полу тянулся кровавый след, который прерывался на грязи снаружи. Комната внутри была перемазана кровью, плотью, волосами и мускулами – остатками тела Хелстана. Небольшая кучка наполовину ободранных костей лежала поверх груды мяса и сухожилий – они словно бы были выброшены.

Но вот от более крупных костей – рук и плеч – не осталось и следа.

***

Близилась сумерки. Из окружавшего деревню леса выползал тяжелый промозглый туман. Он окутывал отмечающие границу поселения факелы, из-за чего огонь начинал мерцать и двигаться, создавая в тумане жуткие силуэты и тени.

Брон, пытаясь согреться, поднес руки ко рту и подул на пальцы, а затем снова натянул перчатки и топнул ногой, чтобы она не затекала. Патрулирование деревни в такую ночь было одной из его неприятных обязанностей в роли караульного, но он знал – да, хоть холод вскоре и проникнет под одежду и поселится в его костях, но он всегда может согреться, выпив и присев перед теплым огнем. Брон закрыл глаза и попытался представить себе камин в своем доме, высокую каменную полку, построенную много лет назад его отцом, и объятые алым пламенем потрескивающие поленья, сложенные в чреве камина...

Он почти ощущал тепло на своей коже, но затем какой-то шум прервал его грезы. Из леса раздался звук, похожий на тяжелые шаги по лесной подстилке.

Брон открыл глаза.

Поначалу он видел только стволы деревьев и их низкие пышные ветви, окутанные туманом. Затем между ними появилась фигура человека – он двигался размеренно и медленно, раскачивая что-то в руке.

Может, это был мужчина? Фигура приближалась и Брон ощутил тот же страх, который сопровождал прибытие Жнецов...

«Не может быть... Еще не пришло время для следующей десятины», – подумал Брон. С их последнего визита прошло всего несколько лет. В деревне не набралось достаточно мертвых – едва хватало стариков и тех кто был при смерти, чтобы выполнить требования Оссиархов. Фигура подошла ближе. Брон смог разглядеть белые кости, отмечающие ее конечности, и его разум начал лихорадочно думать. Стоит ли ему бежать сейчас, чтобы предупредить Грендона?..

Затем фигура вышла из тумана.

Брон увидел, что то, что сейчас стояло перед ним, не было Жнецом Кости – оно скорее походило на отвратительную насмешку над их видом. Кроме закованной в броню левой руки, сжимающей окровавленный кузнечный молот, остальные кости тела были скрыты полосами содранной кожи и кусками влажной плоти. Они были прикреплены к телу чем-то вроде

металлических заклепок, вставленных прямо в кожу, на которой появились гноящиеся раны.

Но больше всего Брона ужаснуло лицо, что возвышалось над сочащимися кровью плечами.

Он узнал этого человека.

– Братец... – испуганно произнес Брон пересохшим от страха горлом. – Это ты?

Петрас оглядел Брона с ног до головы. Его глаза – затуманенные и слезящиеся, но все еще каким-то образом ясные – остановились на ногах брата. Толстые и тяжелые. Твердые и сильные.

«Хорошие кости», – произнес внутренний голос.

Петрас взмахнул топором.

***

Жена и дети Грендона бросились бежать, когда дверь с грохотом распахнулась. В комнату вместо Брона ввалился покрытый кровью Петрас, тащивший на спине мешок. Грендон выступил ему навстречу. Он схватил стоявший у очага топор и, сжав его обеими руками, приготовился встретить нападавшего.

– Что ты сделал, тварь... – начал брат. Его взгляд наткнулся на окровавленные, свежесвыдранные и уже очищенные от мяса кости ног. Он посмотрел на залитый кровью торс и лицо и понял, что никогда не узнает, что сотворило существо, которое стояло перед ним – создание, что некогда было его братом. Он либо умрет в ближайшие несколько минут, либо изгонит эту тварь обратно в ночь, из которой она явилась...

Грендон изо всех сил взмахнул топором и попробовал рубануть по костяной руке, сжимающей молот. Но его атака была встречена оружием Петраса, которое устремилось вверх с нечеловеческой силой и точностью. От силы удара Грендона отбросило назад. Споткнувшись о стул, он повалился спиной на пол. Привстав, мужчина увидел, что тупой край молота сменился на острый.

Затем инструмент опустился вниз, рассекая его тело от макушки до бедер.

Грудь Грендона опустилась вместе с последним вдохом. Петрас увидел, как вздрогнули обнаженные грудины и ребра.

«Из них получится прекрасное тело», – шептали голоса внутри его головы – те, что забивали мысли воплями.

Петрас опустился на колени, сел на тело брата и принялся за свою кровавую работу.

***

– Я вернулся, отец, – произнес Петрас.

Теперь его голос звучал чуть громче шепота, заглушенный другими звуками, переполнявшими юношу. Ему казалось, что с каждым мгновением он становится все меньше и меньше, и даже глаза, через которые он сейчас смотрел, казалось, находились очень и очень далеко. В лунном свете Петрас видел свои руки, выгрызающие огромные комья земли и бросающие их за спину. Затем послышался скрежет его костлявых пальцев по дереву и раздался треск гнилых бревен, под которыми он узрел лицо своего отца.

Губы старика, казалось, шевелились и пытались что-то сказать, но присмотревшись Петрас увидел, что это извиваются черви, поедающие гниющую плоть. Несколько штук упали на зубы отца, а затем в черноту разлагающегося горла.

Кожа вокруг глаз отсутствовала и Петрасу удалось увидеть болезненно-белую кость черепа. Костяная рука юноши потянулась к топору, который лежал рядом с ним на кладбищенской траве. Когда Петрас поднял клинок, к нему вернулся голос из далекого прошлого.

Голос его отца.

«Каждый из нас должен сыграть свою роль».

– И ты тоже, отец, – прошептал Петрас. – И ты тоже.

***

Потрескавшаяся и изломанная дорога из кости, что вела к крепости Оссиархов, слегка прогнулась под окровавленной ногой Петраса. Каждый его шаг наполнял боль, но он настолько долго жил с ней, что она стала приносить удовольствие. Его походка была медленной и тяжелой, а каждое движение сопровождалось скрежетом кости о кость. Грудная клетка Грендона торчала из его собственной, как и ноги Брона, соединенные с ногами Петраса. Вокруг них были прикованы друг к другу кости других людей – жителей деревни, которые нашли юношу, когда тот покидал могилу

отца, бродяг, которых он встретил по дороге, руки Хелстана... Голова тоже отяжелела, а глаза налились кровью от недосыпа – да и как вообще можно спать, когда в голове стояла такая какофония? Петрас посмотрел сквозь темнеющие глазницы на тропу, по которой шел. Он видел перед собой ворота крепости, видел движение пред ними...

Ему навстречу маршировали два Жнеца Кости. Их костяные ноги скрипели и трещали по дороге из праха. Петрас смотрел на них сквозь треснувшую и разбитую маску, которая когда-то была черепом отца, а теперь крепилась заклепками к его скулам и челюсти. Он больше не мог говорить и не мог сообщить, что собрал десятину. Все, что мог сделать Петрас – это стоять и ждать, пока они приблизятся.

Жнецы Кости набросились на него, орудуя оружием и руками. С холодной точностью они хватали трофеи, не делая различий между костями, которые были приколоты к плоти и теми, что скрывались под кожей. Петрас вновь увидел видения с полей сражений и понадеялся, что какая-то часть его души придет к некой другой, более великой судьбе.

Но им не требовалось ничего, кроме его костей. Жнецы оставили мокрую плоть гнить на земле и унесли свою добычу.

Слабую душу Петраса, не имеющую для них никакой ценности, они бросили на произвол судьбы.